

СТУДЕНЧЕСКАЯ СУБКУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются вопросы политической активности молодежи через студенческую субкультуру. Поднимаются вопросы «потерянного» поколения, роль Интернета для изучения студенческой субкультуры и вовлечение молодежи в реальную политическую практику. Это требует изучения групп интересов. Исследуются перспективы политической социализации и участия молодежи в политической жизни.

В большинстве работ, посвященных современной российской молодежи, она описывается, как аполитичная, пассивная до абсентеизма группа, характеризующаяся правовым и политическим нигилизмом, иррациональностью политического сознания, слабой информированностью. Отчасти это действительно так. Рациональность политического выбора, которая в конечном счете определяет сознательную политическую активность, ограничена рамками той культурно-социальной среды, где происходит политическая социализация индивида.

Студенты — наиболее организованная, информированная и активная часть молодежи, — как и все подрастающее поколение, оказались жертвой транзитивного социума 1990-х — начала 2000-х гг., в котором традиционные нормы, моральные ценности, межпоколенческие связи и политическая культура в целом были деформированы волной неподготовленных и часто непродуманных реформ.

Государственная молодежная политика как осмысленная политико-идеологическая доктрина долгое время вообще отсутствовала. Лишь с начала 2001 г. начинается постепенное ее формирование. Однако этот процесс идет трудно. Сказывается противоречие между все возрастающими требованиями «стареющего» общества к молодежи, в том числе и как субъекту политической жизни, усугубляемое рыночной средой и недостаточным использованием социально-экономических, идеологических, политико-воспитательных средств воздействия на молодежь. Молодежь почувствовала себя лишней, что чревато эффектом «потерянного поколения». С одной стороны, власти требовались политически активные слои молодежи (которые создавались с использованием коммерческих и административных мер привычным мобилизационным способом, например, «Наши», «Идущие вместе», «Союз евразийской молодежи» и др.), с другой — власть всеми способами насаждала политический конформизм и бездумную лояльность. Хотя, конечно, говоря о политической культуре России, нельзя игнорировать ее цивилизационного своеобразия, механически сравнивать ее со сложившимися традициями западных демократий, также как и скатываться к их чрезмерной идеализации. Мобилизационный и автономный типы политического участия никогда не встречаются в «чистом» виде.

Можно сказать, что до сих пор все централизованные усилия государства по политическому воспитанию молодежи сводятся к проектным, разовым, низкобюджетным, бессистемным действиям на фоне всепоглощающей активности и мощного манипуляционного потока со стороны коммерческих СМИ. В значительной степени именно средства массовой информации, чья политика далеко не всегда отвечает национальным интересам, наряду с трудно определяемым «контекстным окружением» формируют мировоззрение и культуру молодежи.

Сознание молодежи фрагментарно, неоднородно, противоречиво до парадоксальности, что усиливается значительной социальной дифференциацией. Коммерциализация системы образования, прежде всего высшего, делает этот процесс особенно опасным.

И все-таки говорить о тотальной аполитичности молодежи неверно. Ученые оказываются здесь заложниками некоего «социологического детерминизма». Большинство работ о молодежи написаны социологами, которые использовали преимущественно количественные исследовательские методы. При всей безусловной полезности социологических опросов, которые стимулируют интерес к политике и дают огромные массивы информации, они страдают заданностью, ограниченностью критериев, стереотипностью, часто региональной узостью, чрезмерной обобщенностью. Они не позволяют выявить инновационные, субкультурно своеобразные формы политического сознания и поведения молодежи. Большинство социологов уже пришли к выводу о необходимости качественного исследования отдельных групп молодежи новыми методами (например, фокус-группы, проводимые способом интерактивных форумов и семинаров). При этом серьезных обобщающих социально-философских работ очень мало. К тому же в них царит полная методологическая и идеологическая разногласия.

Студенчество, как социально-демографическая группа, отличается общим видом деятельности, включающим его (студенчество) в социальную среду, обладает специфической субкультурой, общей ментальностью. Общность интересов и потребностей, несмотря на дифференциацию, формирует особое социально-групповое самосознание, специфическую этику, мировоззренческие установки и особый тип социального поведения. Это вполне коррелирует с определением молодежной субкультуры по Г. Сибольду: уникальные ценности и нормы, специфический язык, особые каналы коммуникации, своеобразный стиль жизни, ощущение автономности группы¹. Это уже фактически фиксируют наши СМИ и политики, все чаще обращающиеся к молодежной моде, языковым штампам, коммуникационным моделям.

В политическом смысле субкультура — это способ субъективной идентификации в политическом пространстве общности, не имеющей признанного политического статуса, которая стремится к институционализации определенного стиля политической деятельности и к оформлению в суверенное политическое образование. Она возникает там, где становится очевидным конфликт между политико-культурными нормами и содержанием жизни людей, а также конфликт поколенческих типов мировоззрения. Спонтанная энергия молодежи в формировании субкультурного пространства вступает в противоречие с социокультурным кодом официальной политической надстройки. Только новая междисциплинарная отрасль знания — ювенология — в какой-то степени фиксирует этот конфликт.

Недооценка и незнание субкультурной динамики молодежи опасна и непредсказуема даже при слабо выраженном политическом радикализме российских молодых людей. Число тех, кто обладает ярко выраженной партийной идентичностью (в том числе и оппозиционной) минимально в молодежной среде (от 1,5 до 2,5 % по разным данным). Однако масштабное и часто разрушительное

¹ См.: Новиков В.Г., Петрова Т.Э., Фещенко В.В. Проблема формирования молодежных общественных объединений в РФ. М., 2001, РГАЗУ, с. 32.

участие молодежи в «цветных» революциях последнего времени заставляет более внимательно относиться к процессам, происходящим в молодежной субкультуре. Взрывная энергия молодежи используется в своекорыстных целях национальными политическими элитами в республиках бывшего Советского Союза, экстремистскими группами от «нацболов» и фашиствующих скинхедов до религиозных сект (например, ваххабиты в Чечне) и уголовных «авторитетов». В 1960–70-е гг. движение «новых левых» на Западе заставило ученых дать самый детальный анализ мотивов и стимулов, оказывавших влияние на молодежный радикализм, выявить роль субкультурных объединений и идеологов, считавшихся среди студенческой молодежи своими (Г. Маркузе, В. Райха, Ж.-П. Сартра и др.).

Исторический опыт учит, что даже незначительная часть молодых людей может при определенных обстоятельствах оказать огромное влияние на остальных.

Однако заслуживают, по нашему мнению, наибольшего внимания не незначительные маргинальные и контркультурные группы, а формирование нового субкультурного информационно-коммуникационного пространства — глобальной сети. Идет тотальная глобализация информации и индивидуализация ее получения. В Интернете формируются «виртуальные политические сообщества», главным образом молодежные. Они связаны не территориально, а только общностью интересов. В среде молодежи идет активный стихийный процесс переосмысления своих политических ролей. Глобальная сеть создает иллюзию информированности и участия, политической деятельности. Это среда развития сообществ, альтернативных реальному сообществу. Интернет берет на себя коммуникативную функцию СМИ, снижая их монополию, традиционно важную форму связи общества и государства в России. В то же время эта среда активно рождает новые политические мифы. Сеть разрывает и так неустойчивую связь поколений, поскольку активными пользователями ее являются главным образом молодые люди, связь больших городов и провинции, в которой она развернута в меньшей степени.

С другой стороны, Интернет дает огромные возможности для изучения студенческой субкультуры, вовлечения молодежи в реальную политическую практику, через целенаправленные действия власти и в основном через самоорганизацию молодежи.

Само студенчество осознает необходимость консолидации, хотя тяготеет в основном к участию в неполитических организациях. Проблема № 1 здесь — вернуть доверие молодежи к субъектам власти, что отчасти уже происходит по отношению к президенту. Проблема № 2 — добиться веры в эффективность своего участия в политической жизни (и реализацию своих интересов посредством такого участия). Сделать это необходимее всего на местном уровне через молодежные группы муниципалитетов, молодежные парламенты. Однако действенной политической активности студенчества невозможно добиться, блокируя политическую жизнь в вузах, что сейчас происходит. Необходимо повысить статус предметов гуманитарного цикла в воспитании молодежи, использовать шире такие формы студенческой активности, как землячества, советы общежитий и студенческих городков, ассоциации выпускников, творческие и спортивные общества, профсоюзы. Должен идти постоянный учет общественного мнения студентов, изучение их субкультурных взаимосвязей студенческими

научными лабораториями (эффективность опросов, проводимых самими студентами, часто оказывается выше). Будущее, очевидно, за мобильными, небольшими по численности студенческими общественными организациями широкого спектра деятельности. Они должны пользоваться доверием и авторитетом сверстников, быть «мультипликаторами» новых агентов политической деятельности.

Это требует изучения молодежных групп интересов, которые:

- начинают структурировать молодежь, выявляя ее специфические потребности и ориентации, придают этой социально-демографической группе качества политического субъекта;
- формируют каналы взаимодействия молодежи и властных органов (общественные палаты муниципалитетов и молодежные «парламенты»);
- являются полем приобретения политического опыта, где возвращаются будущие молодые политические лидеры;
- канализируют потоки информации, циркулирующие в молодежной среде, обостряя интерес к политическим событиям и политическому знанию;
- учат культуре диалога, компромисса, сотрудничества, в том числе и политического;
- способствуют становлению гражданского общества в России.

Задачами конкретных исследований участия студенчества в политической жизни могут стать:

- изучение количественных показателей вовлеченности молодежи в различные виды политической деятельности;
- изучение степени заинтересованности и компетентности молодых людей при обсуждении политических вопросов, различных проектов и решений;
- определение степени реакции представительских органов власти на общественное мнение молодых граждан, их предложения и пожелания;
- изучение мотивации и ценностных ориентаций различных групп молодежи, включенных в политический процесс;
- проведение мониторинга состояния уровня социальной напряженности в среде молодежи и его влияния на ее политическое поведение.

Построение общей модели политической культуры современной России, которая все еще находится в стадии формирования, возможно только при учете такой важной качественной ее характеристики, как формы и степень участия молодежи в политике.

Учитывая все вышесказанное, можно констатировать, что исследование перспектив политической социализации и участия молодежи в текущей и будущей политической жизни является чрезвычайно актуальным и может стать той базой, на которой можно будет строить реальные и эффективные стратегии развития политических процессов в России.

Выдающийся отечественный философ А.А. Зиновьев, проанализировав сложившуюся в современной России ситуацию, пришел к выводу, что именно молодежные организации, молодежные движения являются или могут стать основой для возрождения России. Это созвучно представлениям о молодежи как субъекте общественного воспроизводства, важном условии и факторе социальных инноваций, ресурсе национальной безопасности, гаранте поступательного развития общества.